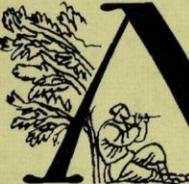

Жк 84
Л56
S-088279

ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО
КУЛЬТУРА

 ЛИК

2010

4

s-088279

ЛИК

ЛИТЕРАТУРА • ИСКУССТВО • КУЛЬТУРА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

●
2010, №4
(октябрь – декабрь)

Учредители –
Министерство культуры,
по делам национальностей,
информационной политики
и архивного дела
Чувашской Республики
(428000, г. Чебоксары,
Президентский б-р, д.17),
Издательский дом
«Хресчен сасси»
(429019, г. Чебоксары,
пр. И.Яковлева, д. 13)

Зарегистрирован управлением
Федеральной службы по

Гл. редактор
С.Л. ПАВЛОВ

Шеф-редактор
И.В. Митта

Редакционная коллегия:

В.Н. Алексеев
Е.В. Басова
М.С. Кириллова
И.В. Митта
Г.И. Федоров
С.Л. Павлов

Оформление обложки В.Г. Бритвина

Верстка
Е.А. Трофимова

Подписано к печати
22.11.2010 г.
Формат 70x108 1/16.
Усл. печ. л. 10.
Тираж 1000 экз.
Заказ 475.

Качество печати соответствует
качеству пленок заказчика.

Адрес редакции: 428019,
г. Чебоксары,
пр. И.Яковлева, 13, 6 эт.
Телефон редакции: 62-50-06.
Факс (8352) 62-04-54.

си,
ар.ru
и
отся
графии
,
6Б.
2010.
иске.
также

Содержание

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Валентина БЕЛЯЕВА. Игра в серьезные слова. Стихи	3
НАСЛЕДИЕ	
Леонид МАЯКСЕМ. Лива. Повесть. Перевод автора	9
Светлана ГОРДЕЕВА. Песни и плачи царицы Пике. Стихи в прозе	34
ФЕСТИВАЛЬ ОДНОГО РАССКАЗА	
Александр БУДНИКОВ. Халтура	38
Анатолий ВОЛКОВ. Боевое крещение. Перевод З.Романовой	48
Лев КУЗЬМИН. Родственные души	60
Николай ПРОКОПЬЕВ. По ту сторону объектива	69
ВОСПОМИНАНИЯ	
ПРАСКИ ВИТТИ. Мой путь в художники	78
ПРОСТОР	
Мухаммат МИРЗА. Книга печали. Стихи	115
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
Федор КОЗЛОВ. Перипетии судьбы чувашского священника Якова Турхана	124
ТЕРРИТОРИЯ КУЛЬТУРЫ	
КНИГА КНИГ — НА ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ	
Библейский подвиг. Беседа Александра ФУРСОВА с Е.Н. Лисиной	135
ПОРТРЕТЫ	
Наталия ГОВОРОВА. С мечтой о фольклорном театре	140
ХУДОЖНИК И ФОТОГРАФИЯ	
Иван МИХАЙЛОВ: Чебоксары — идеальное место для возвращения. Интервью Р. КИРИЛЛОВОЙ	146
ПРЯМАЯ РЕЧЬ	
А.А. ГАГАЕВ, П.А. ГАГАЕВ. От чего зависит самочувствие России	154

Леонид
МАЯКSEM

Лива

Повесть

Леонид Маяксем (Степанов Леонид Александрович) родился в 1938 году в селе Тобурданово Канашского района. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Его рассказы и повести стали публиковаться в печати в середине 60-х годов. Массовому читателю особенно пришлись по вкусу лирические повести «Аста эс, Сильва?» (Где ты, Сильва?) и «Лива». Спустя почти четыре десятилетия после написания «Ливы» автор захотел перевести ее на русский язык. И сумел убедить редакцию, что наша рубрика «Наследие» должна напоминать не только об авторах, которых уже нет с нами. Мы согласились с доводами писателя. Когда же готовили перевод к печати, вспомнили: в биографии Леонида Александровича упоминается, что в молодости он работал киномехаником. Как и главный герой повести. Так что, возможно, у писателя есть самые серьезные причины еще раз вспомнить эту давнюю историю.

Однажды (я тогда работал в министерстве культуры) мне пришлось побывать на открытии нового Дома культуры в одном из южных районов республики.

Выступающих на торжественном вечере было много. И вот на трибуну вышла молодая миловидная женщина – директор Дома культуры Светлана Павловна, как ее представил ведущий. Как только увидел ее, меня охватило непонятное беспокойство: где и когда я мог видеть ее? Сидя в президиуме рядом со значными людьми района, я еще раз – уже повнимательнее – посмотрел на женщину и понял: мы с ней где-то встречались, или, в крайнем случае, она напоминала кого-то из старых знакомых. И тут меня осенило: Лива – вот кого она напомнила! Но у Ливы не было сестры. Тогда кто же? Вдруг я вздрогнул: «Светлана Павловна...» Неужели? Не может быть!..

После торжественной части состоялся концерт. Затем начались танцы. А нас, гостей, повели на традиционный ужин в ресторан.

За столом я оказался рядом со Светланой Павловной. Не случайно, конечно. Когда немного «согрелись», начался, как всегда в таких случаях, оживленный разговор. В ходе беседы я узнал, что моя соседка по столу родилась на Украине. Отца не помнит. Когда исполнилось семь лет, они вместе с матерью переехали в ее родные края.

После окончания средней школы Светлана училась в культпросветучилище, затем не-

сколько лет проработала заведующей клубом. В последние годы – директор Дома культуры. Есть муж, дети. Пожилая мать живет в соседней деревне Кинель. Не по годам шустрая, хозяйственная: держит скотину, выращивает овощи.

– Ее случайно не Ливой зовут? – спросил я, волнуясь и все более убеждаясь, о ком идет речь.

– Почему случайно? На самом деле так! – удивилась Светлана Павловна. – Вы знаете ее?

– Знаю. Но не то чтобы хорошо, – пробормотал я. – В молодости приходилось бывать в Кинели по делам. Тогда и познакомились...

Когда вернулся в гостиницу, долго не мог заснуть. Перед глазами всплыло все, что произошло в те далекие годы...

Тогда меня, выпускника Саратовской школы киномехаников, направили на работу в район. Кино в те времена было в большом почете, особенно в сельской местности. Везде нас, «передвижников», ждали, везде принимали как самых желанных и дорогих гостей.

Из-за нехватки кадров, киномеханику приходилось обслуживать по восемь-девять деревень, в которых мы успевали бывать не более трех раз в месяц, а в наиболее отдаленных – и того меньше. Но не обижались на нас колхозники, не сетовали – что поделаешь, время такое: развалившиеся и обнищавшие за годы войны хозяйства не успели еще встать на ноги, окрепнуть.

Завернешь, бывало, в очередную деревню и сразу же тебя обступают неугомонная ватага шустрых и непоседливых пацанят: «Ура-а! Кино приехало!» А к вечеру клуб уже трещит от тесноты и духоты – набивается столько народу, что не только негде стоять, но даже дышать тяжело: семилинейная лампа гаснет от нехватки воздуха. Тут и там раздаются недовольные голоса:

- Закругляй, механик!
- Пора начинать!
- Заводи-и!..

Собирая с дряхлого, распатанного стола остатки непроданных билетов и засовывая их в размочалившуюся полевую сумку, механик кивком головы дает знать стоящему рядом с ним мотористу, что пора начинать. Через минуту-другую, как бы желая поскорее заткнуть рты нетерпеливым крикунам, начинает тарыхтеть чудо-движок. Медленно и неохотно загорается прибитая за провод к потолку мощная трехсотваттная лампочка. И тут же зал разрывается от радостно-восторженного «Ура!».

Это когда все идет благополучно. Но часто бывало так, что движок, заправленный смесью бензина и керосина, не заводился часами и мы, до седьмого пота крутя маховик, проклинали все на свете. Не только движок, вся аппаратура была допотопная. Списать бы – да в утильсырье, но куда там... Скажи спасибо, что есть такая развалюха! Редко когда сеанс проходил нормально. То мотор закапризничает, то генератор отключится, то громкоговоритель замолкнет... В таких случаях

хоть уши затыкай: «Сапожники! Молокососы! Верните деньги!» – раздается отовсюду. И попробуй объясни зрителю, что виновато начальство, которое не может или не хочет добиться новой аппаратуры. Хоть тресни, но кино зрителю, если уж взялся за это дело да еще выскреб из его кармана последние рубли, покажи! А то, что у тебя проектор старый и никудышный, его не волнует. Плевать он хотел на твои мучения! Если не можешь, если не получается – так сиди под теплым подолом матери да размазывай сопли. Но нас не устраивала теплая уютная жизнь, мы хотели попробовать ее «на зуб» и поэтому, желая поскорее стать самостоятельными, колесили по деревням, где часто голодали, мерзли. Бывало, целыми днями не брали в рот ни крошки, спали в нетопленном клубе, чуть согретом дыханием только что разошедшихся зрителей... Но, как бы то ни было, мы не унывали: в семнадцать лет жизнь прекрасна!

...Весна в тот год выдалась на редкость дружная. Правда, когда в марте за короткое время нанесло столько снегу, что на расчистку дорог пришлось бросить трактора, колхозники забеспокоились: ох, затанутся полевые работы, ей-богу, затанутся! Но старики-«барометры» были спокойны. Вот увидите, говорили они, к середине апреля не останется снега – все растает. И они не ошиблись: уже через несколько дней солнце стало припекать так, что разом дрогнули и заговорили все овраги и реки.

В весеннюю распутицу мы с моим помощником Мусей решили отсидеться в Кинели, расположенной неподалеку от райцентра.

Вот, наконец, мы на месте.

Разгрузив сани, Муся побегал вывешивать объявление, а я тем временем решил проверить надежность движка – все ли в порядке, не случилось ли чего от тряски, пока добирались. Мне было нужно ведро. Но где взять? Недолго думая, я забежал в правление колхоза в надежде выпросить его у технички.

Из открытой двери с табличкой «Председатель» доносились девичьи голоса, звонкий смех: шла «генеральная» уборка кабинета. Одна из трех девушек, подоткнув подол платья за пояс, мыла полы, другая протирала табуретки, а третья, что стояла на подоконнике, с треском сдирала с рам пожелтевшие газетные полоски. Когда она потягивалась к верхней раме, сверкали ее атласно-белые ноги, оголенные выше колен... Стало неловко. Я почувствовал себя воришкой, который забрался в чужой огород. Хотел было отвернуться и отойти, но меня задержал отрывок разговора, начатого, видно, еще до моего прихода:

– Тот, что повыше ростом, особенно симпатичный...

– Что с того! Все равно они не наши, и от Ливы им не уйти.

– Это точно! – засмеялась стоявшая на подоконнике девушка.

Вдруг она обернулась и, увидев меня, прыгнула, словно испугнутая охотником лань, на пол.

– Бессовестный! – процедила она, обжигая меня колючим взглядом. – Как не стыдно подслушивать чужие разговоры?!

– Не сердись, я случайно. Ведро хотел попросить, вот и...
– Зачем тебе ведро?
– За водой сходить: двигатель надо проверить.
Девушки переглянулись.
– Уж не киномеханик ли? – спросила одна из них.
– Нет, я моторист.
– Поймай, – вперед выступила Лива. – А где механик?
– В магазин побежал, – ухмыльнулся я. – За пряником.
– А ты, оказывается, шутник, – подмигнула подружкам Лива. – Если судить по тебе, то и другой остер на язык. Какой он из себя? Хорош?

– Очень. Сверкает, как брошка... Так найдется у вас ведерко?
– Найдем. Вон, в углу...
Уже в коридоре меня догнала Лива.
– Как его зовут?
– Кого?
– Ну, товарища твоего – кого же еще!
– Хочешь заарканить?
– А что, нельзя?
– Отчего ж, можно. Только боюсь, не по зубам это тебе, девочка.
– Ты за меня не переживай!

Поскрипывая расшатанными ступеньками, по лестнице поднялся старичок-сморчок с жиденькой бороденкой. С любопытством разглядывая меня, направился в бухгалтерию. Дойдя до двери, старик не выдержал: оглянулся, осуждающе покачал головой.

– Ты что, дед Тимофей, кошелек потерял? – съязвила девушка, вызываяще подбоченясь.

– Ох и репей же ты, Ливка, – прошамкал тот. – Кого увидела, к тому и прилипла.

– А тебе-то, беззубый индюк, что за дело? Уж не ревнуешь ли?

– Тьфу ты, язва!

– Кто это? – спросил я у хохочущей Ливы, когда дед, словно ошпаренный, скрылся за дверью.

– Сторож.

– У тебя ухажеров действительно много?

– Девать некуда!

– Надо же...

– Что еще скажешь? – «репей» сама напрашивалась на колкости.

– Договаривай, коли начал. Скажи: грех разбрасываться чувствами, надо себя блюсти... Так? Плевала я на ваш грех! – И гордо вскинув голову, она направилась к затихшим подружкам и громко запела:

Парней так много холостых,

А я люблю женатого...

Не зная, что и подумать, я стоял, как вкопанный. Да, бывает же такое... На вид симпатичная, а поди же... «Или и вправду легкомысленная девица, на что открыто намекнул странноватый сторож, или

же немного того... с приветом», – решил я, медленно направляясь к колодцу.

Движок, как ни странно, завелся с полуоборота.

Подошел, не по возрасту легко семеня ногами, сторож.

– Кх-м, кх-м! Бог в помощь, сынок.

– Спасибо, дедушка. Только не стоит беспокоить всевышнего: видишь, и без его помощи работает, как часы!

– Шутник, – покачал головой сторож. – Вот что хочу сказать тебе, парень: будь поосторожней с ней.

– Ты о ком это, дед?

– С Ливкой, говорю, не вздумай спутаться – мигом ославит.

– Да отстань ты от меня со своей Ливой! Нужна мне она, как...

– Вот это разумно! – дед довольно погладил жиденскую бородавку.

– Скажи-ка, дед, если, конечно, не секрет, – в упор глянул я на него.

– Чем она тебе так насолила?

– Мне? – удивился сторож. – По мне пусть хоть верх ногами ходит! Женщины ее проклинают...

– Неужели?

– Ей-богу!

– А за что?

– За что, говоришь? – надвинув на лоб малахай, старик почесал в затылке. – Вертихвостка она! В наше время девушки стеснялись парней, боялись. А эта сама бросается на шею, как... Тьфу!

– Своими глазами видел или говоришь понаслышке? – допытывался я, сам не понимая, почему мне не хочется верить его словам.

– Видеть-то не видел, – заколебался дед, – но слышал...

– Как же можно? – возмутился я. – Не видел, а обливаешь грязью. А если не виноватая?

– Дыму без огня не бывает, сынок. Все говорят – значит, правда! Ну, сам подумай: на кой черт Авдотья – есть у нас такая, жена Мишки-тракториста – стала бы бить ей стекла? Не успела утрястись эта история, как начала крутить с Иваном Семенычем, продавцом. Говорят, еще смеется: пока, мол, не очищу лавку до последней иголки, Ваньку из своих рук не выпущу!..

В клуб она пришла перед самым началом сеанса. И не стала грызть семечки у входа, следуя примеру других девушек, которые стояли в сторонке ожидая приглашения парней, а с ходу подошла – смело, я бы сказал, демонстративно, – ко мне, продававшему билеты.

– Привет работникам культфронта! – улыбнулась она так, будто мы с ней были знакомы если не сто, то хотя бы пятьдесят лет. – Ну что, моторист, можно пройти?

– Билет, – загородил собою проход Муся, задетый, видно, за живое наглостью незнакомки.

– Предъявлю, когда немножко подрастешь, – пренебрежительно бросила Лива, не удостоив его взглядом.

Парни, петухами кружившие возле девушек, загоготали.

– Поосторожней с ней, малый.

– Гляди, обожжешься!

– Пропусти, – кивнул я Мусе.

Победно посмотрев на моториста, уступившего ей дорогу, девушка гордо прошла в зрительный зал.

После сеанса, когда Муся вышел заглушить движок, я почувствовал, как чьи-то мягкие и теплые руки прикрыли мне глаза.

«Лива!» – догадался я. А с языка слетело:

– Не балуйся, Муся! Убери руки.

Молчание.

– Да пусти же, чертенок! – я сделал вид, что разозлился. Рассмеявшись, девушка разжала руки.

– А, это ты... – я изобразил на лице одновременно удивление и обиду. – Тебе что?

– Ничего. Решила пригласить тебя и моториста к нам на постой...

Почему-то вспомнилось, как Лива днем в правлении колхоза сказала: «И завлеку!» «Ничего у тебя не выйдет: не на тех нарвалась!» – хотелось отрубить вертихвостке, но я промолчал. А про себя негодовал: «Ведь совсем еще молодая, не больше двадцати. И когда только успела доехать до такого?»

Во мне спорили два человека. Один советовал мне не касаться придорожного репья, липнущего ко всем прохожим, а другой твердил свое: «Не бойся, парень, не всякая крапива жжет».

«Но почему же тогда, – недоумевал я, – она ведет себя так бесцеремонно и развязно? Неужели ей безразлично, что о ней думают и говорят? В конце-концов, в деревне негде спрятаться от любопытных глаз, каждый твой шаг на виду. Недаром говорят, что худое слово скачет на аргамаче. Как прилипнет – так на всю жизнь: никакими усилиями не отдерешь...»

Так думал я, продолжая укладывать и зачехлять аппаратуру. А она стояла рядом и ждала ответа.

– Ну, как? Или успели подыскать другую квартиру?

– Да нет, некогда нам было искать, – нерешительно ответил я.

– Тогда пошли!

– Уж и не знаю, что делать, – колебался я: предложение было заманчивое (в теплой избе и горячей пище сегодня мы нуждались как никогда: за день так успели намокнуть, что хоть выжимай), и поведение Ливы пугало. Поди разберись, что у нее на уме.

– Ладно, – уступил я наконец: чему быть, того не миновать. – Считай, что уговорила. Но сначала давай познакомимся... Тебя зовут Ливой – это я уже знаю, а меня – Павлом, по другому – Паша, значит. Анкетные данные такие: холост, за границей не был...

– Однако, забавный ты, механик! – прервала меня девушка. – С тобой, видать, не соскучишься... А тот чурбан неотесанный где?

– Муся, что ль?

– Откуда, мне знать, кто он такой: «Муся» или «Дуся»?! Но ты ему

скажи, чтоб не слишком задира́л нос. А то бросился на меня, как голдная собака: «Твой билет?!»

– Да ты не обижайся: это его работа.

– Хамить людям? Ничего себе работа! Будь на твоём месте, давно бы вытурила грубияна пинком под зад...

Лива не успела договорить – в дверях показался моторист с рулоном сетевого провода в руках.

– Кого это ты, красавица, так шерстишь – уж не меня ли? – усмехнулся он, узнав «королеву», с которой поцапался перед сеансом.

– Хоть бы и тебя! – нисколько не смутилась Лива.

– А ты, должно быть, праправнучка Екатерины II? Такая же гордая, – уколол Муся.

– Как ты догадался, мальчик? – не осталась в долгу девушка, нажимая на «мальчика». – Она самая!

– Тут и догадываться нечего, сразу видно...

Долго они ещё соревновались в острословии, пока мы не оказались на темной улице. Ведя нас по узкой, еле заметной дорожке, проложенной впритык к дворам и заборам, Лива то и дело оборачивалась к нам, словно внимательный проводник и предупреждала: осторожно, смотрите под ноги!

И вот наконец мы у Ливиных ворот. Постучали. Через некоторое время в сенях послышались тихие шаги, раздался сильный голос:

– Ты, Ливка?

– Кто же ещё!

– Носят тебя черти до полуночи...

– Хватит ворчать! – Лива, увлекая за собой нас, нырнула в чёрный проём двери. – Пошли!

– Кого там ещё привела?

– Не бойся, не ограбят: это мои гости, – сказала Лива и поспешила успокоить нас: – Не обижайтесь: это он просто так, для порядка...

Дядя Метри, действительно, оказался не таким злым и вредным ворчуном, как нам показалось вначале. Пока дочь на скорую руку готовила ужин, он успел поведать о себе.

Жена дяди Метри умерла вскоре после родов Ливы. Оставшись в расцвете сил без хозяйки с пятью малышами на руках, он так и не решился привести в дом чужую женщину: жил, как говорится, для детей. А потом, когда дети подросли, ему, привыкшему к «вольной» жизни бобылю, жена уже и не нужна была: отвык.

Два старших сына у дяди Метри погибли на фронте. Младшие – слава богу! – живы-здоровы, свили себе гнезда в городе. Хотя письмами и не балуют особо, но деньги переводят по почте аккуратно... Так и живут с дочерью вдвоем. Спасибо Ливке, если бы не она, туго пришлось бы на старости лет. Везде успевае́т девка: днем – в поле, вечером – в правлении. Как устроилась после школы техничкой, так и работает... За дядей Метри ухаживает как за малым дитём. В особенности, когда хворает. И за лекарством сбегает, и поесть-попить подаст. Благодаря

ей и держится дядя Метри. Да еще, по мере сил и возможностей, ухитряется помогать колхозу: зимой ремонтирует телеги, сани, сбриуи, летом сторожит посевы.

На столе задымила картошка «в мундире».

— Располагайтесь, ребятушки: чем богаты, тем и рады, — прервав свой рассказ, дед пригласил нас к столу. — Курятину бы — да время позднее: пока зарежешь, пока обработаешь...

— Без курятины обойдемся, не барчуки, — улыбнулся Муся.

— Так-то оно так, — цокнул языком дядя Метри. — Но ничо, щас что-нибудь сообразим, — и многозначительно посмотрел на Ливу. — Может, доченька, у тебя есть в запасе кое-что?

Ничего не говоря, Лива шмыгнула за печку. А через минуту-другую она уже сидела рядом со мной и предлагала стакан бражки.

— Держи, механик! С тебя начнем.

— Спасибо, но я... не привык пить, — сказал я, не зная как быть: и пить не хотелось, и хозяев боялся обидеть.

— Не ломайся, Паша, как красна дева, — поддел меня моторист, не моргнув глазом. — Люди к тебе всей душой, а ты... Чего уж там, дерни!

Лива снова протянула стакан:

— Выпьешь или нет? Иначе за пазуху налью!

По глазам вижу: не шутит. «Да что может случиться от одного стакана! — расхрабрился я. — Пусть уж лучше отстанут». Выпил, со стуком поставил пустой стакан на стол.

— Вот это другое дело, это по-нашенски! — удовлетворенно провел по бороде дядя Метри.

Пахло чем-то острым и вкусным. От печи веяло расслабляющим теплом. Привычная с детства простая деревенская обстановка, гостеприимные хозяева — все это создавало тот ни с чем не сравнимый уют, по которым мы так соскучились, «кочуя» вдаль от родных мест.

...Весна была в разгаре. Мы продолжали «загорать» в Кинели.

Как-то Лива затопила баню. Я вызвался ей помочь, натаскал воды, наколот дров. Сделал это с большим удовольствием.

Вот и баня готова. Оставив дверь чуть-чуть приоткрытой, чтобы помещение могло очиститься от въедливого угара, мы побежали к бурлящей Буле. Отсюда все окрестности, как на ладони. Вдали дремал не проснувшийся еще от зимней спячки темный лес, а здесь, под нами, всю бесновалась озорница-река. Мимо нас проплывали огромные льдины, на которых обосновалась целая «барахолка»: остатки рыбацкого костра, рваная калоша, худой валенок, куча золы, вываленной безалаберной хозяйкой — чего только они не несли с собой! Сохранилась даже лыжня, проложенная любителями зимних прогулок. Ее не смогли «съесть» ни нежные лучи апрельского солнца, ни теплые весенние дожди, и теперь она, напоминая белый шов на коричневом холсте, спешила неизвестно куда, чтобы раствориться и слиться с огромной массой далекого моря.

Приблизившись к обрыву вплотную, Лива бросает в реку

подвернувшиеся под руку камушки:

– Ледоход, ледоход, унеси с собой мои хвори и печали!

Я неожиданно для себя подхожу к ней сзади, подхватываю ее на руки и начинаю раскачивать:

– Прощайся, озорница, с жизнью!

Руки девушки порывисто обвивают мою шею:

– Полетим – так вместе... Бросай!

Выбившиеся из-под платка густые пряди щекочут мне лицо. Подстрекаемый незнакомыми до сих пор чувствами, я сильнее и сильнее прижимаю Ливу к себе.

– Отпусти! Не видишь, сколько людей на том берегу?! – Лива пытается вырваться из моих объятий.

– Пусть...

Меня бьет дрожь. В то же время я испытываю приятную сладость. Мне хорошо, даже очень... Что же это такое? До сих пор я избегал девушек, а с Ливой почему-то все наоборот: постоянно ищу с ней встреч, хотя и стараюсь не выходить из рамок квартиранта.

...Как-то, покуривая на крыльце, случайно услышал блеяние овцы в хлеве. «Не корова ли пырнула ее рогами?» – забеспокоился я и тут же кинулся в избу. Рывком сдернул со спящей Ливы одеяло:

– Вставай!..

Проснувшись, девушка забилась к стенке:

– Ты чего? Немедленно выйди, иначе позову отца!

– погоди, не шуми. В хлеве что-то неладно...

Недослушав меня, Лива спешно накинула на плечи фуфайку, натянула на босые ноги валенки.

– Идем!

Выбежали. В хлеве возле лениво пережевывающей жвачку овцы притулился мокрый, еще не облизанный матерью ягненок.

– Ведь через неделю только срок, а тут – на тебе! – удивилась Лива. И, взяв ягненка в охапку, побежала в избу. – Пошли!

– Я подышу малость...

Только было закурил, как она вышла во двор.

– Осторожно, искру не оброни...

– Сам знаю, без твоей подсказки, – обиженно ответил я.

– Отряхни-ка меня. В хлеве мякиной обсыпало... Да по сильнее! Не бойся, не стеклянная.

– А если разобьешься?

– Тогда... Тогда придется тебе жениться на калеке.

– Вдруг не захочу?

– Куда ты денешься. Только не позавидую я тогда тебе: уж слишком ты мягкий, слабохарактерный... Таких жены лупят, как сидорову козу. Поколотят – да в подпол. И кормят, как арестанта, через кошачий лаз.

– Послушай, Лива-слива, почему ты со мной так...

– Как?

– Ну... Не ребенок же я тебе!

– Разве? – издевается девушка.

Это было уже выше моих сил. Схватив за плечи, я притянул ее к себе. Отталкиваясь обеими руками, Лива ошарашенно посмотрела на меня: что это со мной вдруг случилось? А в глазах – та же дерзость. Это как бы подстегнуло меня: обняв Ливу за талию, я еще решительнее прижал ее к себе.

– Ли...ва?

– Пусти! – вырвалась она из моих объятий. Голос у нее холодный, безразличный. «Значит, – мгновенно пришел я в себя, – она ко мне равнодушна. А я, идиот...» Мне стыдно, что поддавшись минутной слабости, я раскрыл душу вертлявой дурочке, обнажил свои чувства.

– И вправду, чертополох ты колючий! – бросил я в сердцах и, грубо оттолкнув ее от себя, поспешил к двери. Но пока в потемках нащупал скобу, девушка оказалась передо мной.

– Постой, Павлик, – вцепилась она мне в руку. – Не обижайся...

Сбитый с толку, я заколебался. Но мужская гордость упорно толкала меня в избу.

– Поиграй в кошки-мышки с кем-нибудь другим! – отрубил я соединяющую нас нить и тут же скрылся за дверью.

...Рано утром я поспешил за околицу: если есть какая-нибудь надежда добраться до соседней деревни, мы уедем. Сегодня же, немедленно!

К моему огорчению, свежих следов не было и в помине, – лишь старая колея, извиваясь змеей, еле заметно тянулась через поле и пропала где-то вдаль. О том, что сумеем выбраться отсюда раньше, чем через неделю, и речи не могло быть: сверху земля будто бы просохла, а наступишь – и нога сразу проваливается по щиколотку в грязь.

Как же быть с планом? С таким мизерным сбором нам его не выполнить: до конца месяца остались считанные дни. Будь под рукой хотя бы еще один интересный фильм, возможно, и вышли бы из положения. Но, как нарочно, мост на райцентр разрушен ледоходом. Что делать?

– Надо добраться в отдел культуры во что бы то ни стало! – решительно сказал Муся, когда я растолковал ему наше положение.

– На чем? На вертолете? – съязвил я.

– На лодке, – спокойно ответил моторист, пропустив мой тон мимо ушей.

– А где ты ее возьмешь?

– Найдем, – загадочно сказал Муся. – По крайней мере, попытаемся найти... Пошли! Не будем терять время.

Через несколько минут мы уже были у Булы, которая не успела полностью очиститься ото льда. Почти на самом берегу реки, разлившейся во всю ширь, стоял ветхий домик, подпертый со всех сторон жердями и досками.

– Вот это дворец! – присвистнул Муся. На его удивленный возглас

за калиткой возник горбатый старик в залатанной шубейке.

– Куды спешите, сынки? Погодите...

– Чего тебе, старче, надобно? – в лад деду пропел мой помощник.

– Дельце есть одно... Может, поможете?

– Всегда готовы! – по-пионерски отсалютовал Муся.

Дед повел нас к прибрежному кустарнику, где мы увидели опрокинутую на бок лодку. Судя по слезшей краске и торчавшей кое-где пакле, она давно уже отслужила свой срок.

– Бог есть, Папша! – прошептал мне на ухо Муся. И тут же спросил старика: – Так, чем тебе помочь, дедуля?

– Да вот... На дрова... – забормотал горбун, кивнув на лодку. Сообразив, что на ней мы все-таки могли бы переправиться на ту сторону, я многозначительно посмотрел на моториста: «Это то, что нам надо!»

– Понял, – подмигнул в ответ Муся. – Иду на таран!

Придирчиво осмотрев развалюху, напарник цокнул языком:

– С удовольствием бы, дед, да рука не подыметя на такую красавицу.

– Ты чо, смеешься? – обиженно уставился на Мусю старик. – Она же почти вся сгнила! Полежит еще малость – тогда и на дрова не сгодится... Ее, поди, лет десять не сдвигали с места. Да и куды на ней плыть? – И, махнув рукой, засеменял к избе. Я тут же ткнул моториста в бок: не зевай!

Муся настиг старика уже у ворот.

– Послушай, дед...

– Чего ишшо?

– Одолжил бы ты нам ее, а? Ну, на час-другой?

– На кой черт она вам?

– Понимаешь... На тот берег хотим перебраться.

– В райцентр, что ль?

– Ну да! – закивал помощник и полоснул ребром ладони по горлу. – Вот так надо! Понимаешь?

– Понимаю, – согласно кивнул старик, – но помочь не могу.

– Почему?

– Потому что не хочу.

– Как это понимать?

– А как хочешь, так и понимай.

– Тогда в чем дело? – не сдавался Муся. – Может, тебе деньги нужны? Так скажи, не стесняйся, – он полез во внутренний карман. – Сколько?

– При чем тут деньги, сынок? Сам же видел, какая она... Не успеете отплыть от берега, как начнете пузыри пускать. А расхлебывайся за вас я, Микита Сидуков!

– Не бойся, дед, не придется отвечать за нас. Ну, одолжи, Христом-богом просим!

– Сказано: не дам! И точка! Из-за вас седую голову в тюрьме гноить? Поищите дурака в другом месте!

Убедившись, что с дедом по-хорошему не договориться, Муся натянул кепку на глаза, сунув руки в брюки – ну, чисто шпана! – вплотную приблизился к старику. И притянув его за ворот шубейки к себе, тихо, но внятно процедил сквозь зубы:

– Вот что, дедуля: в Кайкелях мы обчистили магазин, а теперь замечаем следы. Если не хочешь выручить по-доброму... Нам нечего терять! Понял?

– Мне-то что... – сразу сник дед. – Берите, раз такое дело. Только я вас не видел и не слышал.

– А весла?

– Где-то должны быть. Если не сжег...

Когда старик скрылся в сарае, моторист, весело щелкнув пальцами, небрежно бросил мне:

– В жизни, дорогой Паша, и артистом приходится быть!

...Через Булу мы переправились благополучно. И в отделе культуры нас ждала удача. Нашумевшего на всю страну индийского «Бродягу», привезенную из Чебоксар перед самым нашим приходом, начальник отдела Бурнаш уступил нам сразу, не заставляя, как обычно, просить и умолять битый час. Узнав, как мы добрались сюда, он вначале устроил нам хорошую взбучку, и только потом снисходительно сказал:

– Все же молодцы вы, ребята! Патриоты, можно сказать... Так и быть, берите «Бродягу». Но язык держать за зубами: узнают другие механики, набросятся на меня, как удав на кролика. А теперь... – многозначительно посмотрел он на нас. – Как насчет того, чтоб малость согреться?

Вот когда мы заметили, что он, как всегда, навеселе. Нет, Бурнаш не злоупотреблял спиртным, но без «гвардейских» полтораэта не мог обойтись. Эта его слабость была известна всем. Но никто не закладывал его. Зачем подводить человека? Не валяется, не скандалит. А что касается работы, тут уж никто не может потягаться с Бурнашом – настоящий волшебник! Нет в районе киноустановки, до которой не дотрагивались бы его золотые руки. Случись что – все к Бурнашу: «Выручай, Зинов Максимыч!» Другой бы на его месте давно загнул нос, а он не заставляет просить, унижаться. Есть запасная часть – сменит, нет – засучит рукава и, не боясь испачкать «начальственные» руки, берется за поломку.

– ...Ну так как? По маленькой? – вновь спросил Бурнаш.

– Лично я – за! – Муся провел рукой по впалому животу. – А то, вишь, аккумулятор совсем подсел.

– Ну, а ты?

Это уже мне.

– Что я? – пожал я плечами. – Я как все...

Через несколько минут мы уже были в одноэтажном деревянном здании – базарной забегаловке, где при желании всегда можно пропустить стопочку-другую и на скорую руку зажевать ее чем-нибудь.

Желая угостить начальство, я занял очередь, вытащил кошелек.

Но Бурнаш с улыбкой сунул деньги обратно мне в карман.

– Сегодня полагается с меня: жена родила дочку!

Мне не хотелось пить, но Бурнаш стоял на своем: «Пей, и никаких гвоздей!» А когда я, боясь обидеть его, осушил, давась и морщась, свою порцию, одобрительно похлопал по плечу:

– Вот так-то оно лучше! В наше время, Папа, от выпивки даже святые не отказываются. Но все дело в том, дорогой, что надо знать меру... Ты, небось, думаешь: вот пьяница – ему лишь водку подавай! Ошибаешься, дружище. Пью, но голову не теряю...

Когда мы, оживленно беседуя, спустились к Буле, уже надвигались сумерки. Воды в реке вроде бы поубавилось, но она бурлила и пенилась несколько не меньше, чем днем.

– Может, переночуем здесь, в райисполкомовской дежурке? – предложил я Мусе. – Зачем на рожон лезть?

– А зрители что скажут? Мы же сами позвонили в Кинели, чтобы объявление вывесили.

– Так-то оно так, но вон как бушует!

– Не думал я, Папа, что ты такой трус.

– По-твоему, смелые должны нырять головой в омут? Глупость это, а не геройство!

Увязая в иле, Муся зашагал к лодке:

– Ты как хочешь, а я пошел!

– Подожди, не спеши... Ну, сорвем сеанс – что с того? Не под суд же нас отдадут.

– А совесть?

– Совесть, совесть... Она что, дороже жизни?!

– Представь себе: иногда дороже.

Помощник мой закатывал штанины, собираюсь лезть в воду. А я, не зная, что делать, растерянно стоял в стороне. Если с Мусей, не дай бог, случится то страшное, о чем я даже думать боялся, то как, какими глазами мне показаться его матери?.. От одной этой мысли мне стало не по себе. Неужели я, действительно, до такой степени трус, что в решающую минуту могу оставить – нет, бросить, предать! – верного товарища, друга?

– Так и быть: пропадать так – вместе! – крикнул я, и побежал за помощником.

Пока мы, по колено увязая в тине, спустили лодку в воду, стало темнеть. Резко усилился ветер. Поднялись волны. Но мы не отступали, плыли и плыли вперед. Вот уже и до берега рукой подать. Сидящий на носу лодки Муся запел, словно бывалый моряк, свою любимую песенку:

Капитан, капитан, улыбнитесь!

Ведь улыбка – это флаг корабля...

Вдруг, прерывая его на полуслове, последовал сильный удар по борту (это был, как я потом понял, или большой кусок льда, скрытно несшийся на нас по течению, или тяжелое, полузатопленное бревно). Муся пошатнулся и, чтобы не свалиться за борт, инстинктивно на-

лонился к скамье, выпустив из рук на несколько секунд придерживаемый им ящик с фильмом. Этого было достаточно, чтобы коробка, лежащая на коленях помощника, сползла на самый край накренившегося борта. Еще мгновение – и доставшийся нам такой ценой «Бродяга» исчезнет под водой.

– Лента! – закричал я не своим голосом. Схватившись, Муся резко потянулся к ящику. Схватить-то схватил его, и успел отбросить назад, на дно лодки, но сам, потеряв равновесие, упал в мутную ледяную воду...

Доводилось ли вам сталкиваться со смертью лицом к лицу? Испытать на себе ее жуткое дыхание? Не знаю, как вы, но я растерялся окончательно – не мог ни двинуться, ни шелохнуться: застыл, как парализованный. Было ясно: более пяти минут Мусе не продержаться. Если за это время, пока его не свела судорога и не поглотила пучина, не сумею помочь, то... Это «то» не укладывалось в сознании, оно связало мое тело, превратило меня в беспомощное существо.

Вдруг я ощутил под ногами что-то мягкое, вялое. Нагнулся, чтобы отшвырнуть подальше, и... – о, счастье! – увидел веревку, приваченную, чтобы привязать лодку на берегу. Решение созрело мгновенно. Через несколько секунд один конец веревки я прикрепил к скамье, другой кинул Мусе: «Держи!» Вскоре моторист, словно обессиленный от долгого плавания тюлень, тяжело повис на борту лодки.

– Паш... А ты, оказывается, человек, – пытался шутить Муся, когда мы выбрались на берег и спешно начали выжимать его одежду. Если бы не ты, бороздить бы мне сейчас носом дно Булы!

– Об этом после поговорим, – прервал я друга. Продрогший и посиневший Муся сейчас мало походил на того весельчака, которого я знал раньше. – Рванули, – решительно сказал я, – пока совсем не околел!

Пробежав сотню-другую метров, моторист согнулся и, схватившись за живот, медленно опустился на землю.

– Больше не могу, Паша... Вместо ног будто поленья привязаны...

– Ложись мне на спину, – приказал я помощнику, – и держись крепче за шею!

– Не смейся, капитан... Что я, раненый, что ли? Отдохну вот малость и вперед!

– Дурень... Потом ты не встанешь. А ну, поднимись!

– Не могу...

– Можешь. Должен: ты же морской волк! Капитан, капитан, улыбнитесь: ведь улыбка – это...

– ...флаг корабля, – поддержал меня Муся.

– Вот именно! Выше голову...

– Эге-гэ-ей! – раздался вдруг из ложины звонкий девичий голос.

Это была Лива. Разбрызгивая сапогами грязь, она изо всех сил мчалась к нам. А через несколько минут, запыхавшись от быстрого бега, девушка уже стояла перед нами.

– Слава богу! Я думала, вы утонули...

– Ты рано решила отправить нас на тот свет! – через силу улыбнулся Муся.

– Встретила у колодца деда Никиту. «Два жулика, угрожая наганом, отобрали лодку», – говорит. «Какие жулики?» – спрашиваю. «Обыкновенные!» – отвечает. – Только, видать, не из наших они мест. Сказывали, будто бы в Кайкелях магазин обчистили и теперь замечают следы...» «А как они выглядят?» – спрашиваю снова. «Один – невысокого роста, шустрый такой, другой – худой, степенный...» Не поверила, побежала в правление: там вы, думаю, или нет. Смотрю: навстречу Марись, соседка. «Женихи твои звонили из района, – говорит, – кино объявить велели: бродягу какого-то обещали привезти». Вот тут-то у меня и екнуло сердце: «Они! Но как они переправились туда?» Ой, ребята, знали бы вы, как вас ждут!

– Знаем, потому и спешим, – прервал я ее. – Пошли, пока он, – кивнул на моториста, – концы не отдал!

И только тут Лива заметила, что на Мусе лица нет.

– Что случилось?.. Господи! Да он же весь мокрый...

Когда мы проходили мимо избушки на курьих ножках, из-за плетня показалась бородатая голова в затрепанном, виды выдавшем малахае из козьей шкуры.

– Вот и они, ерои! – И вдруг спохватился: – А лодка? Лодку куда дели?

– Не беспокойся, дед! И лодку доставим на место, и дров тебе наколем! – успокоил деда моторист, хотя у него зуб на зуб не попадал.

Но не удалось Мусе сдержать свое слово. Когда я поздно ночью вернулся из клуба, он уже метался в жару:

– Воды! Дайте воды!..

Сидевший у изголовья моториста дядя Метри поспешил в чулан. Я пощупал голову друга: горячая, как огонь... Вода из кружки, поднесенная к безвольно мотающейся из стороны в сторону голове помощника, пролилась и потекла, не попадая в рот, по намокшей от пота подушке.

– Жаль парня... Ни за что пропадет, – тяжело вздохнул дядя Метри, с жалостью глядя на больного.

И только тут я заметил, что нашей хозяйки нет дома.

– А Лива где?

– Што? – не расслышал дед, туговатый на ухо.

– Дочь ваша, спрашиваю, где?

– За фельдшером, должно быть, побежала...

В сенях раздались торопливые шаги: Лива! За девушкой вошла белокурая женщина средних лет.

Осмотрев Мусю, медсестра покачала головой:

– Плохо... – Чуть погодя, словно извиняясь, добавила: – Без опытного врача... Не знаю, что и делать...

– Но что-то надо делать, Мария Ивановна! Надеяться не на кого! – с надеждой посмотрела ей в глаза Лива.

– Да, ты права, – согласилась женщина и спешно вытащила из

сумки стерилизатор из-под шприца. – Разожги очаг...

– Спасай, капитан! – снова заметался в бреду Муся. – Тону... Это ты, мама? Скажи Паше...

Трое суток жизнь моториста висела на волоске. И все это время дядя Метри и Лива ни на шаг не отходили от Муси, ухаживали за ним, как за ребенком. Да и я не оставался в стороне. По ночам, возвращаясь из клуба, сразу сменял дежурившего у постели.

Как-то, кажется, это было на четвертые сутки, задремав рядом с Мусей, я услышал – нет, скорее почувствовал – легкие шаги. С трудом приоткрыв глаза, увидел перед собой Ливу.

– Ну, как он? – прошептала она, пристроившись рядом со мной.

– Кажется, заснул.

– Дай-то бог...

Тускло светила сбавленная на нет семилинейная лампа. Тихо, успокоительно стучали ходики. За печкой – то ли страдая от бессонницы, то ли приветствуя весну – пел беззаботный сверчок.

Через несколько дней в районной газете напечатали небольшую статью. Она заканчивалась так: «В данное время Моисей Малов находится в Кинели. Хотя, по поступившим к нам сведениям, смерть и отступила от него, здоровье героя все еще слабое. Поможем, товарищи, отважному комсомольцу. Не оставим его в беде!»

И хлынул народ. От посетителей не было отбоя. Чаще всех приходили школьники и девушки. Однажды приковылял дед Микита. Засиживаться, правда, не стал. Обронил как бы между прочим: «Ты того... поправляйся, сынок, да поскорее», – и ушел.

Вскоре нагрянул на газике-вездеходе и сам Бурнаш. Не успел войти в избу, как тут же набросился на меня:

– Натворил делов – и в кусты? Ничего не скажешь: хорош гусь... Что, трудно было позвонить?

– Он ни при чем, Зинов Максимыч, – сказал, надрывно кашляя, Муся. – Это я виноват: просил не беспокоить...

– Заступаешься, значит? Думаешь, если ты просил, так поблажку дам? Не рассчитывай! Погоди вот, такого нагоняя получите, что тошно станет... – И тут же обнял моториста за плечи. – А за «Бродягу» спасибо: спас! А теперь собирайся...

– Куда? – раньше Муси выпалил я.

– Куда, куда... На кудыкину гору – вот куда! – огрызнулся Бурнаш. – В больницу поедем.

– Как доберемся?

– В верстах в пяти-шести отсюда есть заброшенный мост. Ездить по нему, правда, запрещено, но мы попробуем еще раз проскочить...

Более месяца провалялся Муся в райбольнице. За это время я успел навестить его не более двух-трех раз – все было некогда: завертелся, без помощника, как белка в колесе.

Последний раз я у него был в конце мая, когда черемухи и яблони

купались в сиреневом дыму. День был солнечный, теплый, и медсестры, по моей настойчивой просьбе, разрешили Мусе прогуляться.

По узкой, как пояс, тропке мы углубились в сад. Жужжали пчелы, порхали с дерева на дерево птицы.

— Хороша, оказывается, жизнь! — блаженствовал моторист. — Не без каверзов, конечно, но все равно хороша. И почему я до сих пор не замечал эту красоту... — Закашлялся, потом, откашлявшись, продолжил: — Я боялся не столько за легкие, сколько за ноги. До того они размочалились, будто их между стальными шестеренками прогнали. Часто вспоминал Островского... Но он — писатель, талант! А я кто? Валялся бы, как изъеденный короедами старый пенёк, на горе родителям: корми, пои, ухаживай... А сейчас чувствую себя так, будто заново родился. Ей-богу! Много ли человеку надо? Чтобы были руки-ноги, чтобы мог видеть чистое небо, вот эти цветущие яблони!.. Только не всегда мы это понимаем, Паша, не дорожим здоровьем... У нас в палате лежит молодой мужчина. Ему всего около сорока, а он... В семнадцать ушел на войну. Дважды был ранен. Вернулся домой, завел семью. И вдруг в один день ослеп. Какая нелепость! Ему бы жить да радоваться, а он не может самостоятельно отойти от койки... Но сильный! Только однажды не выдержал: «Увидеть бы еще раз цветущую рожь», — сказал он. Сказал и заплакал...

Смотрю я на своего друга и не узнаю: когда он успел так перемениться? Мне кажется, рядом со мной шагает не Муся, а кто-то другой — незнакомый, чужой. Мусе должно быть всего восемнадцать, а этому, судя по его рассуждениям, и все тридцать.

— Паша... Ты не слышишь меня?

— Слышу, слышу, — вяло отозвался я.

— Как у вас с Ливой?

— С Ливой? — удивленно спросил я. — В каком смысле?

— В самом прямом.

— Нормально...

— Не темни, Паша.

— Вот те на! А что, по-твоему, должно быть между нами?

— Дурачком прикидываешься? — покачал головой больной, и добавил: — Смотри, не смей ее обижать.

— Да о чем ты?

— О том же.

— Она сама кого угодно обидит!

— Знаю. Тем не менее, предупреждаю, — голос Муси натянут до предела.

— Не много ли берешь на себя? — сухо выдавил я из себя.

— Хорошая она, Паша. Простая, доверчивая, — как бы не замечая мою взвинченность, продолжил моторист. — А ты парень не промах...

— Мели, Емеля, да в меру.

— Я правду говорю. Только скажи мне честно, как другу: почему избегаешь ее?

— Да отстань ты!

Но Муся продолжал гнать свое:

— Понимаешь, Паша, дорожить надо ее дружбой. Не так уж часто встречаются такие чистые девушки...

— Успел проверить?

— Замолчи! Иначе...— прохрипел Муся, схватив меня за грудки. В это время раздался знакомый девичий голос:

— Прекратите! Как вам не стыдно?

Мы застыли, как вкопанные: откуда она взялась?

— Эх, вы!..— подбежав, Лива встала между нами.— Казалось бы, взрослые, а ума — ни на пятак!

— Пошутили мы, — как ни в чем не бывало улыбнулся я, — балуемся.

— Хорошую показал бы я тебе шутку — да скажи спасибо Ливе! — никак не может успокоиться Муся.

— Чего, дураlei, не поделили?

— У него спроси, — пыхтит моторист.

Придет время, когда я расскажу Ливе обо всем, без утайки. А пока что только виновато протянул руку товарищу:

— Извини... Мир?

— Ладно, так и быть, — не совсем охотно ударил по моей руке Муся.

— Давно бы так! — обрадовалась Лива. — А то сцепились, как петушки! — И повела нас, взяв под руки, к свободной скамейке. — Пошли, посидим...

— Насидимся еще, — проворчал я. — Ты лучше расскажи, откуда взялась.

— Тебя искала, — не глядя на меня ответила Лива. Протянула Мусе сумку с гостинцами.— Держи!

— Спасибо, не надо: здесь кормят до отвала.

— Бери, бери. На больничных харчах еще никто не разжирел. Поскорее выздоравливай... Без тебя, вон, начальник твой совсем зазнался: даже глаз не показывает.

— Покажет. Дал слово: как только выпишут меня отсюда — так сразу же, в первую очередь, приедем к вам.

— А если он, — девушка кивнула на меня, — не захочет?

— Заставлю! — твердо, без тени шутки сказал Муся, будто все зависело от него.

— Желание-то есть, со временем не всегда получается, — начал оправдываться я.— К тому же, деревня ваша сейчас не входит в маршрут.

Последнее, конечно, было не совсем правда: не слишком-то мы соблюдали маршруты. Если кому-то удавалось достать «калымную» ленту, то он «прочесывал», нарушая границы участков, прежде всего крупные населенные пункты. К последним относилась и Кинель, в которой насчитывалось триста-четырееста дворов, не меньше. Однако после нашей последней встречи с Ливой не тянуло меня туда.

Гуляли мы тогда с ней до полуночи. И уже перед тем как войти в

избу, я решил открыться ей в своих чувствах. Всегда ведь так: вначале не считаемся с днями, неделями, а как приспичит – цепляемся за минуты.

– Побывать бы рядом с тобой еще месяц, – вздохнул я. – Уезжать не хочется.

– Что так? – улыбнулась Лива.

– Не знаю. Не могу объяснить... Только одно могу сказать: не чужие мы с тобой друг другу...

– Породнились? Да так, что водой не разлить?

Меня будто хлестнули плетью.

– Брось кривляться. Некоторые из кожи лезут, чтобы выглядеть лучше, а ты...

– Тебе-то какое дело?

– Как это – какое?! – задохнулся я от обиды. – Я же для тебя не какой-нибудь случайный прохожий... – Ее слова убили во мне все то прекрасное, которое накапливалось по крупинкам в последние дни. Цветок – свежий, нежный цветок наших отношений – был словно побит градом, но девушке было мало этого, она беспощадно втоптывала его в землю.

– А кто?

Пораженный непонятной выходкой Ливы, я молчал. Нужные слова не находились. Те, что приходили на язык, казались слишком мягкими и слабыми. А мне хотелось ответить ей хлестко и жестко, как она того заслуживала.

Сильно я обиделся на Ливу, но еще больше – на себя. За то, что поддавшись наивным чувствам, потянулся к колючему цветку.

Разочарованный, поплелся в избу. Так бывает с ребенком, впервые столкнувшимся с обманом. Еще только вчера он был озарен светлой мечтой, а сегодня его прекрасные чувства разбиты в пух и прах.

Уже перед тем, как зайти в сени, Лива догнала меня:

– Прости, Паша... Глупая я, дура...

Но я уже не слышал девушку. Отрешенно отстранив ее от себя, молча дернул дверную щеколду.

...Наутро я поднялся чуть свет. И немедля направился к пожарникам, у которых под рукой всегда имелась выездная лошадь.

А к восходу солнца, спешно погрузив зачехленную аппаратуру на подводу, тронулся в путь-дорогу. И тут вспомнил, что не попрощался с дядей Метри. «Поросенок! – выругал я себя. – Даже не поблагодарил старика за беспокойство и хлопоты, за то, что две недели жили у него как в Доме отдыха».

Повернули обратно.

Дед возился возле сарая.

– Не поминай лихом, дядя Метри! – сказал я весело, стараясь выглядеть бесшабашно. Прислонив лопату к изгороди, старик уставился на меня.

– До встречи, говорю! – повторил я, и полез в карман за деньгами:

– Возьми, пожалуйста... За теплый угол, за хлеб-соль... Не обижайся, что мало. Полностью расплачусь после получки.

– Пошто обижаешь меня, сынок? – глухо выдавил дядя Метри. – Спрячь свои бумажки, пригодятся ишшо...

Смирившись с предстоящей разлукой, он тихо, будто был виноват в чем-то передо мной, сказал:

– Уезжаешь, стало быть. Пожил бы еще малость...

– Не могу, – покачал я головой, – Уже и вещи погружены, и лошадь, вон, за воротами стоит.

– Жаль, – вздохнул дядя Метри. – Хорошо было вместе, а без вас как осиротеем...

Когда уже выехали за околицу, возчик слегка ткнул меня кнутом в бок:

– Глянь-кось, механик!

Повернув голову туда, куда показывал пожарник, я не поверил своим глазам: за нами бежала... Лива. Заныло, защемило сердце.

– Гони быстрее! – закричал я, пытаюсь заглушить острую, невыносимую боль.

– Но-о! – хлестнул мужик коня, и телега, скрипя и раскачиваясь, покатила по склону.

Лива не отставала. Казалось, что я даже слышу ее прерывистое дыхание, вижу ее глаза. Это было выше моих сил.

– Слушай, – хлопнул я возчика по плечу, – придержи, пожалуйста, лошадь.

Спрыгнув с повозки, лицом к лицу столкнулся с запыхавшейся Ливой. В этот момент я готов был упасть к ее ногам, просить у нее прощения. Однако, вспомнив вчерашние насмешки, заставил себя подавить вспыхнувшую жалость.

Не говоря ни слова, девушка достала из-под передника маленький сверток. И не успел я прийти в себя, как она сунула мне в руку белоснежный узорчатый платочек.

– Вот... На память.

Во мне вновь заговорила незаслуженная обида.

– Пусть тебя другие вспоминают! – бросил я подарок под ноги и спрыгнул на подводу. – Трогай!

Невесть откуда поднявшийся ветер подхватил платочек и безжалостно швырнул его под колеса...

Через несколько минут я оглянулся: на маленьком пригорке, застыв свечой, стояла одинокая фигура. Если бы не пышные волосы, которые развевал озорной ветер, ее можно было принять за мраморное изваяние.

...Первые дни я не находил себе места: переживал, всячески клял себя за бездушие и жестокость. Часто – мысленно – видел застывшую живым памятником Ливу...

Постепенно облик девушки стал удаляться, тускнеть, и боль в сердце немного утихла, улеглась. Но стоило подбросить в костер первой любви воспоминаний, как он снова вспыхивал ярким пламенем...

Неожиданная встреча в больнице была для меня полной неожиданностью. Увидев Ливу, моя душа, позабыв об обидах, неодолимо устремилась к ней, как заблудившийся в ночи путник к одинокому огоньку. И я понял, что судьба не случайно столкнула нас.

Когда мы, проводив Мусю в палату, вышли со двора больницы, Лива взяла меня под руку.

— Я не сержусь на тебя, Павлик, — медленно заговорила она. — Когда ты уехал из деревни, мне было очень больно... Не помню, как спустилась к Буле. В голове навязчиво стучала одна-единственная мысль: «В этом мире все против меня — обливают грязью, топчут...» До этого я всегда боялась смерти. Если кто-нибудь умирал, не могла без страха пройти даже мимо ворот, откуда должны были вынести покойника. А тогда медленно, словно тень, шла вдоль крутого берега и вдруг подумала о смерти как о самом обыденном явлении. Теперь это слово не пугало меня, а вызывало азарт. «Прыгну и через секунду-другую буду уже на дне, — подумала я. — Все произойдет в одно мгновение, очутиться даже не успею».

Не знаю, что бы произошло, если бы вдруг не услышала спокойный, хочется сказать, спокойный и спасительный, потому что именно он и удержал меня, голос дяди Никиты: «Ливка? Шо ты тут делаешь?..»

Лива говорила и говорила. А я слушал и любовался ею: какая она все-таки хорошая. И красивая!

Мы долго бродили по улицам, по парку. Лишь под вечер, когда уже солнце скрылось за горизонтом, я проводил Ливу до перекрестка двух дорог. Она пошла в одну сторону, а я — в другую, где меня ждали мои зрители.

Расстояние между нами все увеличивалось и увеличивалось.

— Поскорее приезжай! — донесся до меня удаляющийся голос Ливы.

— Жди-и-и! При-е-ду-у! — ответил я, приставив рупором руки к лицу.

— Когда-а?

— Через неделю-ю!..

Но заехать в Кинели, хотя я работал недалеко, не удавалось: заведением культуры — сухопарая старая дева — строго-настрого запретила нарушать утвержденный маршрут. Но одно дело — порядок, дисциплина, другое — любовь. Однажды, когда мы добрались до Кармал, я твердо решил навестить дядю Метри и Ливу: отсюда до Кинели рукой подать — всего-то пять-шесть верст!

— ...Никак, Павел? — удивился открывший мне дверь дядя Метри. — Наконец-то... Совсем забыли нас! А где Моисей?

— В Кармалах. Там причалили сегодня, — ответил я, разглядывая старика, в разгар лета натянувшего на себя старую шубу, а на голову — истертую солдатскую ушанку. — Захворал, что ль?

— Поясница, окаянная, ломит. Вот и закутался: может, полегчает... Ты что это у порога стоишь, словно чужой? Проходи!

— Успею... А Лива где?

— Колхозные поля сторожит. Вместо меня... Проголодался, небось?

– Сыт я, дядя Метри.

– Никак, торопишься? Чего как на иголках?

– Да как сказать... За Мусю беспокоюсь: слабый он еще, после больницы... А я к вам по пути из района, – соврал, не моргнув глазом. – Рассчитаться зашел.

– Как говорят, вшивому – баня! А я-то думал, соскучился, – нахмурился старик. И тут же, позабыв про обиду, спросил: – В Кармалы, говоришь, путь держишь? Ты вот что, Павел: задами ступай, ближе будет. Заодно Ливке ужин доставишь... Недалеко тут: спустишься к реке, а тропинка сама приведет к шалашу.

Я, разумеется, согласился с радостью.

Дойдя до берега, откуда мы с Ливой любовались ледоходом, я замедлил шаги. Перед глазами – до мелких подробностей – встал тот счастливый весенний день, когда я понял, что Лива для меня близкий, дорогой человек. Теперь же надвигалась августовская ночь. Стояла такая нежная и чуткая тишина, что казалось, стоит слегка закашлять – и тут же она взорвется или обвалится снежной лавиной. На той стороне Булы грустила одинокая гармонь. Натыкаясь на изгибы берегов, по реке плыла девичья песня:

Ой, рябина кудрявая, оба хороши,

Ой, рябина-рябинushка, сердцу подскажи...

Невольно прислушался. На сердце – сладостная тоска. Душа бьется, словно заточенная в клетку пичужка, и рвется вслед любимой мелодии в заманчивую, неизвестную даль.

– Лива-а! – озорно закричал я.

Раскалывая хрупкую, как хрусталь, деревенскую тишину, мой голос унесся вниз по течению реки. И только через некоторое время вернулся обратно – уже обессиленный и успокоенный:

– ....ва-а-а!

И опять – тишина.

...Вот и колхозный огород. Где же шалаш? Вдруг:

– Стой! Руки вверх!

Передо мной словно из-под земли выросла Лива.

– Испугался?

– Да. Здорово ты меня напугала.

– А ты, оказывается, трус.

– Я не думал, что лиса может подстергать волка! – я поддержал игру. – Ваш «дворец», как объяснил дядя Метри, должен быть где-то здесь, рядом с тропкой, а я его почему-то не вижу.

– И не увидишь. Пошли!

Сделав с десяток шагов в глубь огорода, Лива свернула на мостик, переброшенный через глубокий ров.

– Осторожно... Дай руку!

Шалаш притаился на маленьком островке среди густых зарослей ивняка.

– Ну и воткнули! Разве нельзя было поставить шалаш на открытом месте, – заворчал я.

– Нельзя, – стала втолковывать Лива. – Отсюда вся окрестность – как на ладони, а нас не видать.

– Бойтесь, что «выметут» бахчу? Да кому ваши морковь да огурцы нужны.

– Да не за огурцами лезут, бестолковый, а за рыбой! – обиженно сказала девушка. – Озеро будто свинцом залито, видишь? Знаешь, сколько в нем карасей – уйма! – И тут же, словно очнувшись, уставилась на меня. – Слушай, а ты откуда свалился?

– Случайно я здесь... Попутно, можно сказать...

– Попутно, значит. А шел куда?

– В Кармалы.

– Вон как. А я подумала... – Вздохнув, Лива юркнула в кусты. – Я сейчас...

Она появилась так же неожиданно, как и исчезла.

– Ужинать пора, – Лива высыпала передо мной свежие, только что сорванные с грядок огурцы. – Такой пир устроим, какого белый свет не видал!

Пока мы трапезничали, на небе скрылась луна, спешно погнав разбредшиеся звезды под черный шатер неизвестно откуда выплывших туч. Подул холодный порывистый ветер. А вскоре сухим и долгим раскатом прогремел гром.

– Гроза надвигается, – Лива завернула в газету остатки картофеля и хлеба, поднялась.

– Дождался! – сказал я. – Теперь мне не добежать до Кармал: как раз на полпути и накроет.

– Пожалуй... Может, останешься?

– Нет. Надо идти.

– Как знаешь, – девушка вынесла из шалаша брезентовый плащ и протянула его мне. – Возьми, пригодится.

Если бы она настаивала, чтобы остался, я, возможно, и ушел бы. Но сдержанная и заботливая Лива своей мягкостью растопила мои прежние чувства, и я, обругав себя чурбаном – какой же нормальный парень бросает любимую девушку на ночь глядя да в такую погоду? – передумал идти.

– Не надо, не пойду, – сказал я, возвращая Ливе плащ.

– Вот и хорошо...

Шалун-ветер, словно ревнуя меня к Ливе, рванул с такой силой, что чуть не разворошил шалаш. Ослепительно сверкнула молния, переламываясь на тысячу ветвей. И тут же, как бы стремясь обрушить на нас небосвод, грянул гром.

– Ой! – испуганно присела Лива.

– Не бойся, – я обнял ее. И, поборов нерешительность, бережно взял на руки, понес в шалаш. За его стенами сверкала молния, гремел гром, хлестал, как из ведра, ливень. Но мы ничего не видели и не слышали. Казалось, перевернись земля верх тормашками, случись всемирный потоп – мы бы не заметили...

Проснулся я от отдаленного раската грома. Где-то за горизонтом время от времени мелькал слабый отблеск угасающей молнии. Рядом со мной, свернувшись клубочком, лежала Лива, моя Лива. С ненасытной жадностью смотрел я на нее, красивую и близкую, и не верил своему счастью. «Негодяи! – хотелось мне бросить в лицо всем, кто раздувал о Ливе грязные сплетни. – Дурни!»

А через некоторое время мы с ней шли рука об руку по мокрому лугу, роняя с трав бисеринки-капли ночного дождя.

Вдруг Лива, мгновенно оторвавшись от меня, словно напуганная выстрелом охотника лань, понеслась вперед, туда, где властно раздвигая бледно-синий полог ушедшей ночи, широко и торжественно занималась заря.

– Лови-и!

Разлетевшиеся разметанным снопом длинные густые волосы развевались на ветру, подзадоривая меня.

Наконец, запыхавшаяся девушка беспомощно забилась в моих объятиях.

– Попалась?!

– Пусти...

– Не пуцу. Хочешь, закричу на весь мир, что кинельская девушка свела меня с ума? Хочешь?

Она прикрыла мне влажной ладонью рот.

– Дурачок... Ну, пусти же!

– И не подумаю.

– Вредина...

Успокоившись, Лива нежно и доверчиво прильнула ко мне.

Когда из-за горизонта выкатился пылающий солнечный диск, я, с трудом порвав соединяющие нас незримые нити, медленно стал отдаляться от Ливы...

Так мы расстались. Навсегда. Но тогда я, конечно, не знал этого. И знать не мог: иначе примчался бы в Кинели не через три месяца спустя, а в тот же день!

...К нашему приезду Ливы уже не было в деревне. На мой беспокойный вопрос: «Где Лива?» Дядя Метри подал сложенный вчетверо листок: «Уехала она, а куда – не сказала...»

Развернул. «Прощай, Павлик! Куда еду – пока сама не знаю. Знаю одно – оставаться здесь больше не могу. Скоро все наши, то есть мои «грехи» выплывут наружу: как говорят, шила в мешке не утаишь... Тебя я не ругаю (ты сейчас для меня дороже всех и всего на свете!), и себя не казню: то, что произошло между нами в ту ночь, предначертано, думаю, судьбой. Это я поняла сразу, как только мы с тобой расстались: час казался сутками, а сутки – месяцем. Всем сердцем ждала тебя, но так и не дождалась... Я люблю тебя, Павлик, очень люблю. Но не хочу обременять: у тебя вся жизнь впереди... Отслужишь в армии, найдешь достойную девушку, женишься. А если когда-нибудь вспомнишь про «придорожный репей», который

когда-то «прилип» к тебе, то для меня будет безмерным подарком. Прощай!»

Разбитый и опустошенный, я присел на полусгнивший кряж, лежащий возле забора. Он должен помнить наши забавы! Принесет, бывало, Лива из колодца ведро студеной воды и с хохотом обольет меня. Я фыркаю как морж... Шлепнув меня полотенцем, она несется в огород, я – за ней... Эх, Лива, Лива! Подарила ты мне счастье, и сама же его растоптала...

...На следующий день, перед тем как выехать в Чебоксары, я долго колебался: встретиться еще раз со Светланой Павловной, признаться, кем ей прихожусь? Если откроюсь, скажет: «Вот блудный кот! Нашкодил, получил удовольствие и скрылся!» Сказать, может, и не скажет, но подумать может. А потом... Вдруг она предложит мне съездить к ее матери в Кинель? Допустим, я соглашусь. Но с какими глазами предстану перед Ливой, что ей скажу? А она? Как она должна себя вести? «Дорогой, нашелся-таки на старости лет!..» А если посмотреть с другой стороны? Отчасти я виноват, признаю. Но у кого не бывает ошибки? Да еще в таком возрасте: мне тогда было неполных восемнадцать лет! Осенью я стал солдатом. После трех лет службы поехал в Чебоксары. Устроился на завод учеником токаря, по вечерам учился в школе рабочей молодежи. Потом была заочная учеба в пединституте, по получении диплома учительствовал. К тридцати годам женился, завел семью. Вот и закрутило колесо жизни... Теперь у меня есть любимая работа, уважение в коллективе, но нет настоящего счастья. Что делать – судьба! А от нее, как известно, не уйти и не спрятаться... Эх, Лива, Лива! Не сошлись наши стежки-дорожки. Но не забыть мне тебя. Очень хочется встретиться с тобой, поговорить, вернуть – хотя бы на несколько минут! – нашу молодость. Но, как говорят, в потухшем костре огня не ищут. Тем не менее, я ищу, сердце мое до сих пор болит оттого, что потерял любовь – первую, чистую, нежную. Но пока я не готов к этой встрече. И Светлане ничего не скажу. Может, однажды и открою ей свой тяжелый, давящий сердце секрет. Но сейчас... Нет, я не в силах побороть себя. Одно только скажу: спасибо тебе, мой дорогой человек, за то, что вырастила и воспитала такую умную, красивую дочь.

До свидания, любовь моя! Бог даст – встретимся.

...И мы встретились. Но это уже другая история.

**Перевод с чувашского
автора**

100

 ДИЖ

4

2010